

Особенности эпитетов в поэзии К. М. Симонова: грамматические и семантические трансформации

Инесса Николаевна Коржова, Московский финансово-промышленный университет
(Россия, Москва), clean24@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170026391-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены некоторые виды эпитетов, характерные для идиостиля К. М. Симонова — поэта. Продуктивным для автора типом является гипаллага, служащая средством создания новых, более дробных названий для предметов и явлений. При этом гипаллага выдвигает значимые для Симонова категории. Так, многие перенесенные эпитеты закрепляют представление о временном или пространственном раздвоении мира, мифопоэтическое в своих истоках. Другой тип эпитетов в поэзии Симонова связан с употреблением относительных прилагательных в конструкциях с намеренным нарушением лексической сочетаемости. Подобные прилагательные имеют неоднозначную грамматическую природу. Ряд из них продолжает указывать на отношение, но вбирает авторскую оценку явлений, апеллирует к сложной сети ассоциаций. Другие окачествляются и приближаются к метафоре. Наконец, особую группу составляют развернутые эпитеты, выраженные причастным оборотом. Их цельность подчеркивается опорой на идиомы, включением в ряд однородных членов с простыми эпитетами, грамматической трансформацией, пунктуационным и графическим оформлением. Выявленные виды эпитетов призваны быть средством предметной и понятийной конкретизации, оформлять представление об особом подклассе предметов и явлений. В отдельных

случаях эпитеты способствуют объективации форм психологического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Симонов, идиостиль, эпитет, гипаллага, эналлага, окачествование прилагательных

для цитирования: Коржова И. Н. Особенности эпитетов в поэзии К. М. Симонова: грамматические и семантические трансформации // Русская речь. 2023. № 4. С. 90–101. DOI: 10.31857/S013161170026391-9.

The Language of Fiction

Features of Epithets in K. M. Simonov's Poetry: Grammatical and Semantic Transformations

Inessa N. Korzhova, Moscow University of Finance and Industry (Russia, Moscow), clean24@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses some types of epithets characteristic of the idio-style of K. M. Simonov, the poet. A productive type for the author is the hypallage, which serves as a means of creating new, more fractional names for objects and phenomena. At the same time, hypallages puts forward categories that are significant for Simonov. Thus, many transferred epithets are associated with temporal and spatial division and have mythopoetic origins. Another type of epithets in Simonov's poetry is associated with the use of relative adjectives in structures with impaired lexical compatibility. Such adjectives have an ambiguous grammatical nature. A number of them continue to point to the attitude, but take in the author's assessment of the phenomena and appeal to a complex network of associations. Others improve and approach the metaphor. Finally, a special group consists of detailed epithets expressed by a participial turnover. Reliance on idioms, inclusion in a homogeneous series with simple epithets, grammatical transformation, punctuation and graphic design emphasize integrity of the phrase.

The identified types of epithets are intended to be a means of subject and conceptual concretization, to formalize the idea of a special subclass of objects and phenomena. In some cases, epithets contribute to the objectification of psychological analysis.

KEYWORDS: Simonov, idiostyle, epithet, hypallage, enallage, quality of adjectives

FOR CITATION: Korzhova I. N. Features of Epithets in K. M. Simonov's Poetry: Grammatical and Semantic Transformations. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 90–101. DOI: 10.31857/S013161170026391-9.

Эпитеты являются одним из самых простых и частотных тропов. В поэзии К. М. Симонова с ее невысокой тропеизацией они занимают важное место, часто соединяясь с иными приемами: повторами, словесной игрой и т. д. Однако до настоящего времени идиостиль поэта не исследовался систематически, не накоплены и наблюдения, связанные с ролью интересующего нас средства. Статья посвящена выявлению и осмыслению типов эпитетов, наиболее характерных для идиостиля автора.

Заметной частотой в поэзии Симонова обладают эналлаги и, шире, гипаллаги. В трактовке этих понятий в различных источниках нет единообразия. Удачной представляется дифференциация, произведенная в словаре «Культура русской речи» под редакцией А. П. Сковородникова. Под гипаллагой, с опорой на русскую исследовательскую традицию, понимается «стилистический прием, состоящий “в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную” (Никитина С. Е., Васильева Н. В., 1996. С. 62); “семантико-синтаксическая перестановка” (Манчинова Н. В., 1998. С. 18), в результате которой “рождается” троп» [Сковородников (ред.) 2011: 94–95], тогда как эналлагой называется разновидность приема, в которой «“определение-прилагательное перемещается с управляемого слова на управляющее или (реже) с управляющего на управляемое” (Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С., 1999. С. 286)» [Сковородников (ред.) 2011: 95]. Симонов использует разные структурные типы переноса: он не только перемещает эпитеты внутри словосочетания, но и использует дериваты от разных частей речи, преобразуя характер подчинительной связи, изменяя частеречную природу зависимого слова.

Одна из самых показательных для понимания специфики художественного мира Симонова форма гипаллаги связана с переносом харак-

теристики из мира людей на мир предметов: «**Бестолковые буквы** по стеклам навыворот пишут» [Симонов 1982: 103] (вместо «бестолково пишут») или «Они лежали мертвые, в мундирах, / В заморских **неуклюжих башмаках**» [Симонов 1982: 105] (исходный оборот — «неуклюже лежали»). Это, так сказать, отверждение эмоций, их объективация в предметах, является выражением в языке той тенденции к зримости художественного мира, эстетики подробностей, сочетающейся с психологизмом, которые отличают поэзию Симонова.

Примеры переноса эпитета, относящегося к миру человека, на предмет достаточно многочисленны. Такие конструкции делают вещную деталь более выпуклой, но в то же время несамодостаточной, зависимой от субъективного восприятия: «В чужие, **равнодушные квартиры**» [Симонов 1982: 433], «Помнишь узкую комнату / с **насмерть продрогшей стеною**» [Симонов 1982: 398], «В **неслышных тuffлях** поднялся навстречу» [Симонов 1982: 426]. Характеристики физического восприятия, чувства и оценки как бы оседают на предметах, создают особый подкласс вещей. Иногда воссозданная подробность может быть по-импрессионистически нечеткой. Так, в поэме «Первая любовь» фраза «и платья **задыхающийся шорох**» [Симонов 1982: 407] объединяет нескольких действующих лиц. Задышаться может и женщина, снимающая платье, и герой, наблюдающий за нею. В образе замкнута и причинно-следственная цепочка: на платье проецируются чувства героя, но сам же предмет и провоцирует это состояние. Такой образ, не теряя вещественности, становится психологически емким выражением любовного томления.

В стихотворении «Дожди» гипаллага тонко передает процесс объективации собственных желаний и страхов, стремление увидеть знаки судьбы, которое является одним из лейтмотивов цикла «С тобой и без тебя». Связь образа «бессильных писем» с концептуальным уровнем, демонстрация участия тропа в воссоздании мироотношения, которое хочет принять герой и с которым одновременно спорит, становится очевидным из контекста: «И, на коленях разложив / **Бессильные листочки писем**, / Гадает: жив или не жив, / Как будто мы от них зависим» [Симонов 1982: 199]. Автор пытается оспорить основу суеверий, в которых «магическими свойствами наделяется все окружающее индивида — природные явления и предметы, сотворенные руками человека; все природные и созданные человеком явления одушевляются и обретают персонифицированный вид» [Саенко 2006: 88], но выстраивает характерную именно для суеверий ментальную картину, наделяя предмет свойствами живой силы.

Перенос может иметь и иной характер: психологические характеристики распространяются на непредметные и даже абстрактные категории, создавая и здесь эффект конкретизации: «Туда, где по прежним

зрячим расчетам» [Симонов 1982: 313], «Врачами сосчитаны **зрячие дни**» [Симонов 1982: 321], «За это **равнодушное**, до слез / В такую ночь обидное **доверье**» [Симонов 1982: 418], «Она в тот миг шептала: “Милый”, — / На скорбном **женском языке**» [Симонов 1982: 203]. Особенно выразительно детально точное и атмосферное описание заброшенной комнатки, где влюбленные прежде проводили дни: «Забытых стен **не-топленное эхо**» [Симонов 1982: 426] — или сходная по семантике фраза «И вдруг **пустая тишина** палат» [Симонов 1982: 113].

Гипаллага может реализовываться в более узких пределах одного объекта описания, соединяясь в этих случаях с метонимией. Психологическими или физиологическими особенностями человека наделяются части тела или движения: «Под дождем, / с непокрытою головою, **упрямой походкой**» [Симонов 1982: 242], «и, оторвав **ослепшие пальцы**, пролез вниз» [Симонов 1982: 454], «И люди с **посторонними глазами** / Навстречу попадаютс я ему» [Симонов 1982: 431]. Происходит некоторое сложно артикулируемое смысловое приращение: люди, у которых посторонние глаза, не просто незнакомые, с ними бесполезно заводить разговор, это неизменная характеристика, черта души. Так, новый образ оказывается семантически богаче реконструируемого исходного, не знающего семантического сдвига.

Говоря о субкатегоризации — оформлении как бы нового, отдифференцированного авторским сознанием класса явлений: «равнодушных квартирах», «женском языке» (что особенно важно при подчеркнутой гендерной ориентированности системы ценностей Симонова) — мы сближаемся с позицией тех исследователей, которые считают перенесенный эпитет способом оформления индивидуально-авторского понятия. И. И. Ковтунова видит в «семантическом отрыве признака от определяемого слова» одну из форм усиления семантической неопределенности в поэзии XX в. [Ковтунова 1993: 109–110]. Отметим, что речь идет о неоднозначности прочтения, но сам поиск средств говорит о стремлении поэтов воплотить новые смыслы, т. е. как раз расширить сферу определяемого словом. С. С. Барсукова, опираясь на идеи Б. М. Гаспарова о языке как духовно-творческой деятельности, приходит к выводу, что структуры, основанные на лексическом диссонансе, «проецируются через призму сознания на особую бытийную (или околобытийную) плоскость — плоскость мыслимого или возможного, открывая тем самым новые перспективы познания» [Барсукова 2013: 19]. Х. Вонг подходит к рассмотрению перенесенного эпитета с позиций теории концептуальной интеграции (концептуального блендинга): «in transferred epithet, two words which do not allocate are joined together to give novel and vivid expression. It is extraordinary characteristic that we find the possibility

among the impossibility. The conceptual integration theory helps us to find what is happened backstage» [Wang 2013: 1077]¹. Сами создатели теории М. Тернер и Ж. Фоконье, обогащая двучастную теорию метафоры, говорят о многопространственности модели и указывают на особую познавательную роль концептуальной интеграции: «Conceptual integration — “blending” — is a general cognitive operation <...>. It yields products that frequently become entrenched in conceptual structure and grammar, and it often performs new work on its previously entrenched products as inputs» [Fauconnier, Turner 1998: 133]². На их методологию опираются исследования перенесенного эпитета Ф. Р. Кубаевой [Кубаева 2009] и Е. И. Баранчевой [Баранчевая 2016]. Указанный подход позволяет рассмотреть эналлагу как способ создания и выражения новой мыслительной сущности, нового подкласса предметов. Перенесенный эпитет оценивается не просто как прием языкового украшения, но и как факт, характеризующий ментальное пространство автора, что делает возможным на основе анализа приема говорить о специфике художественной модели мира писателя.

В ряде случаев перенесенные эпитеты у Симонова оформляют концептуально значимые для всего произведения представления. Так, в стихотворении «Хозяйка дома» дважды в сходных выражениях говорится о соединении живых и мертвых в день будущей победы: «Пусть кто-нибудь живой нальет вино / Нам в наши **молчаливые стаканы**» [Симонов 1982: 191] и «И сдвинем за живых **бесшумные стаканы**» [Симонов 1982: 191]. В первом случае перед нами эналлага: эпитет переносится с обладателей предмета — незримых друзей — на сам предмет; во втором гипаллага — наречие «сдвинем бесшумно» превращается в прилагательное. Поэт обращается к мифологическому представлению о безмолвии как черте мира мертвых: «в фольклоре тишина, молчание становятся универсальными атрибутами, маркерами всей сферы смерти» [Невская 1999: 126]. При создании этого образа Симонову удастся, предметно точно изобразив свидание живых и мертвых, не акцентировать внимание на фантастичности ситуации и не указывать на зримость или незримость новых гостей, и в то же время поэт обозначает трагическую границу между живыми и мертвыми, проложенную войной и до конца непреодолимую.

¹ «В перенесенном эпитете два слова, которые ничем не выделялись, соединяются вместе, чтобы дать новое и яркое выражение. Удивительно, что мы находим новую возможность среди невозможного. Теория концептуальной интеграции помогает узнать, что произошло за кулисами».

² «Концептуальная интеграция — “блендинг” — это общая когнитивная операция <...>. Она дает результаты, которые часто укореняются в концептуальной структуре и грамматике, и часто преобразует укоренившиеся данные, которые используются в качестве исходных».

Важная для поэта оппозиция «живые и мертвые» не раз подчеркивалась благодаря переносу: «Едва ль ты узнаешь, моя недотрога, / **Живые и мертвые** их **имена**» [Симонов 1982: 186], «Вдруг ее не смерть, а летаргия / В **мертвый мир** обманом увела?» [Симонов 1982: 206]. И каждый раз своей необычностью, соединением с тем, что не подлежит такой характеристике, понимание смерти как роковой черты выводилось на первый план.

Гипаллага у Симонова, особенно в любовной лирике, подчеркивает важность мифопоэтического разделения мира на дневной и ночной. Появляются письма дневные и ночные, разные по духу («Незримая, смотри, как я пишу / Листки своих **ночных** нелепых **писем**» [Симонов 1982: 204]), или образы, подчеркивающие чувственный и в то же время опасный, рубежный ночной мир: «В **погасшем доме** звуков не осталось» [Симонов 1982: 424], «**Полуночные** волжские **пески**» [Симонов 1982: 407]. Такие эпитеты двоят предметы и усиливают черты двоемирая.

Еще один достаточно распространенный в поэзии Симонова тип определений связан с постановкой относительных, реже притяжательных прилагательных в такой контекст, где происходит их окачествление. По мнению В. Н. Виноградовой, «особенностью семантики прилагательных в поэтической речи является развитие качественных, индивидуализированных, характеризующих значений у прилагательных, имеющих относительные или определительно-обстоятельственные значения» [Виноградова 2005: 332]. Значимо, что большинство таких прилагательных у Симонова — это прилагательные с пространственно-временным значением: «**Московское слово** “простуда”» [Симонов 1982: 109], «**Южная пластинка**, замерзая, / Делает последние круги» [Симонов 1982: 147], «Пускай чужие, но зато / **Вчерашние глаза** и **руки**» [Симонов 1982: 184]. В процитированных строках время или место (Москва, Юг — читай: Испания, вчерашний день) указывают на условия жизни, от которых герой отделен, и прилагательное расширяет свое значение, вбирая весь комплекс характеристик другого мира или другого времени. Именно через такое отношение к широкому, качественно иному явлению и происходит семантическое углубление прилагательного, но оно не всегда становится качественным, по-прежнему указывает на отношение, но теперь уже к явлению, окрашенному авторскими ассоциациями. «Московское слово» в монгольском цикле «Соседям по юрте» означает «мирное, полное нестрашных страхов, наивных опасений людей, незнакомых с войной и живущих в относительном комфорте». «Южная пластинка» противостоит суровой морозной непогоде, куда выходит генерал, но это еще и иная временная пора — время молодости, широких чувств и обещаний, еще не покрытого мозолями сердца. Эти значения восстанавливаются из контекста и даже из затекста, ведь ни Испания, ни Москва не описаны в стихотворениях.

Сходно построен перенос во фразе «**Москва** в его глазах была большой, / **Трамвайной**, людной и немножко страшной» [Симонов 1982: 419], здесь новое значение создается без метафорического переноса. Новый смысл буквально отсылает к слову «трамвай» и фиксирует заполненность пространства этими средствами передвижения. Но позиция сказуемого и соседство с качественными прилагательными позволяет читать слово «трамвайной» как «динамичной», «суевающейся».

Прикрепленность ко времени или месту может быть и более конкретной: «Среди **рождественских гостей**, / Мужчин и старых дам» [Симонов 1982: 212], «Мы умели дружить и **о чем-то** совсем **не постельном**, / Лежа рядом часами с тобой говорить по ночам» [Симонов 1982: 391]. Явления обретают подтипы через указание на принадлежность к определенным социальным институтам или даже месту и времени благодаря следующим эпитетам: «Он, мельком оглядев свою каморку, / Создаст **командировочный уют**» [Симонов 1982: 92], «Опять вся в **школьных бантиках** и **складках**, / Как девочка, в нем бегала она» [Симонов 1982: 422], «Не одним **стиральным, обеденным** / Вековым **наукам** домашним, — / Научились вы сердцеведению» [Симонов 1982: 474]. В последнем случае прилагательные, образованные от названия рутинных бытовых действий, вбирают все поле ассоциаций с понятием «семейная жизнь».

Отметим, что эти эпитеты, как и гипаллаги, конкретизируют образ не столько зрительно, сколько понятийно. Так, очевидно, что «командировочный уют», сочетание почти оксюморонное, говорит об особом неумелом обживании пространства людьми, равнодушными к удобствам и комфорту, и о невозможности не оставить отпечаток своей личности на случайном пространстве; перед нами попытка примирения базовой для раннего Симонова оппозиции дома и пути. Такие эпитеты менее связаны с передачей конкретного психологического состояния и могут служить качественной характеристикой объектов.

При более узком, конкретном значении исходного относительного прилагательного общий характер окачественного эпитета несколько меняется. Такие определения близки к метафорам. Во фразе «И на всех фотографиях, даже на тех, что в крови, / Снизу вверх улыбались запоздалой **бумажной улыбкой**» [Симонов 1982: 110] название материала не подключает контекстуальные и затекстовые ассоциации, а лишь на основе собственных сем создает основу для переноса. Бумажная — здесь и хрупкая, и ненастоящая. Ассоциативным является механизм трансформации в случае «Льет **трехэтажный** вьетнамский **дождик**» [Симонов 1982: 294], «это тревожит только маленьких **чернильных людей**» [Симонов 1982: 457], «в трубке **голос зимний**, хрипатый» [Симонов 1982: 476], «сквозь перекраски пятнами наружу / Опять пробился прежний, **детский**

цвет» [Симонов 1982: 429]. Особенность этих образов — помещение прилагательного с уже довольно регулярно появляющимся в узусе качественным признаком в неожиданный контекст.

В поздней поэзии привлекает внимание фраза, где семантическая сложность усиливается влиянием соседней метафоры и иных грамматических сдвигов: «И — сквозь **старушечьи загары**, / Косметик поздние цветы» [Симонов 1982: 303]. Конкретизация слова «загары» заставляет и в слове «старушечьи» видеть не только указание на принадлежность (ибо такое обобщение нивелировало бы только что грамматически оформленную идею разнообразия и конкретности в форме «загары»), но и указание на качество («несвоевременные, нелепые»).

Для поэзии Симонова характерны распространенные определения, выраженные причастным оборотом — в целом достаточно «тяжелой» конструкцией. Они не основаны ни на семантическом, ни на грамматическом сдвиге, но служат той же цели дробной характеристики объекта. А элемент глагольности придает этим определениям темпоральность и некоторую «фабульность». Герои и предметы — это то, что они пережили, что с ними случилось: «только молчание ничего обратно не отдающей земли» [Симонов 1982: 443], «Чтоб не сказали мне друзья, / Все разделявшие в судьбе» [Симонов 1982: 192], «Вдруг вылезавший вычищенной пастой / Тигриною улыбкою зубастой» [Симонов 1982: 228], «Не казнимой еще и еще не балованной / Переменчивой женской судьбой» [Симонов 1982: 197], «Не я тобою прощенный, / Не я тобою исанный» [Симонов 1982: 168]. В двух последних примерах грамматическая трансформация все же происходит, и применяется она к изначально целостной конструкции — фразеологическому выражению и прилагательному, которому возвращена глагольность: эпитет «непрощенный» развернут в систему действий.

В стихотворении «Немец» на развертывании таких динамических характеристик построен большой фрагмент. Главный герой, немец-антифашист, «обнародует» в песне длинную историю своей непростой судьбы, и причастия представляют собой напластования в современности следов этой нелегкой жизни:

В Берлине, на холодной сцене,
Пел немец, раненный в Испании,
По обвинению в измене
Казненный за глаза заранее,
Пять раз друзьями похороненный,
Пять раз гестапо провороненный,
То гримированный, то в тюрьмах ломанный,
То вновь иголкой в стог оброненный.

Воскресший, бледный, как видение,
Стоял он, шрамом изуродованный,
Как документ Сопrotивления,
Вдруг в этом зале обнародованный [Симонов 1982: 235].

Восприятие каждого оборота как цельной качественной характеристики особенно очевидно благодаря однородности с трансформированным фразеологизмом «иглой в стог оброненный». Обретя динамичность, выражение сохранило единое значение «затерявшийся», «сделавшийся незаметным», «потерянный кем-то». Сходно строится и система определений в поэме «Иван да Марья»: «Где лежит на землю уроненный / И землею той же прикрытый / Сын ваш — месяц назад схороненный, / Но для вас — лишь вчера убитый» [Симонов 1982: 491].

Цельность таких определений также может быть подчеркнута, когда они выступают в качестве уточнения: «Выпейте вы тоже за стальные / Наши, смерть выдавшие, глаза» [Симонов 1982: 179], «Уж не стать той, себе обещанной / В двадцать лет, идеальной женщиной» [Симонов 1982: 474].

Это единство особенно ощутимо в случае препозиции определений. В стихотворении «Улыбка» синтаксис еще и затруднен инверсией, но именно тут, в соседстве с одиночными однородными прилагательными, очевидна целостность определения-оборота:

То положено ему
к положению —
и лица выражение.
Не простое —
золотое,
ответственное:
Тому — кто я
и что я —
соответственное [Симонов 1982: 267].

Наконец, подчеркивать цельность составного определения, восприятие его как качественного признака может графика. В одной из поздних миниатюр Симонов образует путем сращения новое слово, даже уже не эпитет, а субстантив. Такой окказионализм лишь крайняя форма взгляда на пространственное определение как целостное понятие, который мы фиксируем во всей поэзии Симонова: «Самих себя, да и печать, / Нам научить бы отличать: Первымговорящего / От Впередсмотрящего» [Симонов 1982: 306].

Все отмеченные структурно-семантические типы эпитетов, на наш взгляд, реализуют общую задачу. Они заостряют внимание на вещных или поведенческих деталях, делают более выпуклым предметный мир.

Но, самое главное, они выделяют существительное из группы однородных как особый подкласс, задают более дробное, расчлененное видение реальности. Так реализуется общая тенденция Симонова к детализации не только зримой, но и понятийной.

Литература

- Баранчеева Е. И. Семантические механизмы английского перенесенного эпитета // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 94–103.
- Барсукова С. С. Основы лексического диссонанса // Язык: мультидисциплинарность научного знания. Научный альманах. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 14–20.
- Виноградова В. Н. Определения в поэтической речи // Поэтическая грамматика. Т. 1. / Ковтунова И. И., Николина Н. А., Красильникова Е. В. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2005. С. 328–375.
- Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. С. 106–153.
- Кубаева Ф. Р. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 26 с.
- Невская Л. Г. Молчание как атрибут смерти // Мир звучащий и мир молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 123–134.
- Саенко Ю. В. Психологические аспекты суеверий и суеверности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 6. С. 86–95.
- Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 203 с.
- Сквородников А. П. (ред.). Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. 480 с.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. No. 22, part 2. P. 133–187.
- Wang X. Interpretation of transferred epithet by means of conceptual integration theory // Journal of language teaching and research. 2013. Vol. 4. No. 5. P. 1072–1078.

References

- Barancheeva E. I. [Semantic mechanisms of transferred epithet in English]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 94–103. (In Russ.)
- Barsukova S. S. [The basics of lexical dissonance]. *Yazyk: mul'tidistsiplinarnost' nauchnogo znaniya. Nauchnyi al'manakh*. Barnaul, AltSPU Publ., 2013, pp. 14–20. (In Russ.)

- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 1998, no. 22, part 2, pp. 133–187. (In Eng.)
- Kovtunova I. I. [The principle of incomplete definiteness and the forms of its grammatical expression in the poetic language of the twentieth century]. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the twentieth century. Grammatical categories. Syntax of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 106–153. (In Russ.)
- Kubaeva F. R. *Kognitivno-semanticheskie kharakteristiki perenesennogo epiteta v angliiskom yazyke*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Cognitive-semantic characteristics of the transferred epithet in English. Cand. philol. sci. abstract. dis.]. Pyatigorsk, 2009. 26 p.
- Nevskaya L. G. [Silence as an attribute of death]. *Mir zvuchashchii i mir molchashchii: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan* [The sounding world and the silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 123–134. (In Russ.)
- Saenko Yu. V. [Psychological aspects of superstition]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2005, no. 6, pp. 86–95. (In Russ.)
- Simonov K. M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1982. 203 p.
- Skovorodnikov A. P. (ed.). *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 480 p.
- Vinogradova V. N. [Attributes in poetic language]. *Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Vol. 1. Ed. by Kovtunova I. I., Nikolina N. A., Krasil'nikova E. V. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005, pp. 328–375. (In Russ.)
- Wang X. Interpretation of transferred epithet by means of conceptual integration theory. *Journal of language teaching and research*, 2013, vol. 4, no. 5, pp. 1072–1078. (In Eng.)